

Я не я. И дверь не моя.

Академия магии

Н. Сергеева

Наталия Сергеева
Я не я. И дверь не
моя. Академия магии
Серия «Там, куда нельзя», книга 1

*<https://litres.ru/73729264>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Одна ошибка — и ты открываешь портал в другой мир.
Один дар — и за тобой начинают охотиться.
Лиза — интуит-портальщик. Таких не было веками.
Она может соединять миры но не умеет это контролировать.
Академия магии берёт её под защиту.
Учёба, друзья, новые правила — всё почти как у обычных студентов.
Почти.
Потому что:
— её магию пытаются взломать
— порталы ведут не туда
— а люди рядом оказываются не теми, за кого себя выдают
Когда за тобой стоят сразу несколько сил,
выбирать сторону — опасно.
Но ещё опаснее — не выбирать.
И если ты не научишься управлять своей силой,

её начнут использовать другие.

Внимание: В тексте вы не найдете описаний природы или города на три страницы и бесконечной рефлексии персонажей. Я люблю рубленые фразы, отсекай всё лишнее и вести героев через сюжет на максимальной скорости. Только только действие и никакой «кучерявости».

Содержание

Глава первая	6
Я очень люблю море	6
Глава вторая	11
Ночная дверь	11
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наталия Сергеева
Я не я. И дверь не
моя. Академия магии

Глава первая

Я очень люблю море

Я очень люблю море.

Наверное, я люблю его больше всего на свете. Больше, чем летние каникулы, больше, чем новые книги, больше, чем спать до обеда. Хотя последнее – серьёзный конкурент. А вот учебный год закончился для меня... скажем так, не самым удачным образом.

Все началось еще зимой, когда я окончательно и бесповоротно поссорила с нашей учительницей по химии. Честно говоря, я не то чтобы не любила химию. Я просто её совершенно не понимала. Вот совсем. Как будто весь класс решает задачи на понятном человеческом языке, а мне выдали учебник на марсианском.

Домашнее задание я, между прочим, всегда делала. Долго и нудно. Когда с помощью учебника, когда с помощью интернета, когда с помощью коллективного разума нашего класса. Но делала!

И вот меня в очередной раз вызвали.

– Полякова, иди к доске. Реши задачу.

Я пошла. С видом человека, который уже понимает, что

сейчас будет немного неловко. И с паникой в душе.

Задача выглядела так, будто её придумал очень злой педагог, ненавидящий подростков. Я честно пыталась. Писала, стирала, тупила, долго металась, и вот решение начало вырисовываться на доске. И тут химичка начала.

– Интересно, Полякова... – сказала она таким голосом, каким обычно говорит следователь в кино перед разоблачением преступника. – А домашние задания ты сама делаешь или списываешь?

Класс притих.

– Почему списываю? – спросила я.

– Потому что человек, который делает домашние задания самостоятельно так, как ты, не может настолько долго решать задачу у доски.

И чем больше она говорила, тем сильнее её несло. Мол, и задачи я не понимаю, и домашку списываю, и вообще уровень бестолковости у меня, оказывается, максимальный. Я терпела. Честно. Минуты две.

А потом ляпнула:

– Знаете... возможно, проблема не в том, что я бестолковая. Возможно, просто кто-то педагог... так себе.

Класс сначала замер. А потом кто-то тихо хрюкнул от смеха. Учительница покраснела.

Итог урока: две двойки.

Первая – за домашнее задание, которое я, по ее мнению,

списала.

Вторая – за задачу у доски несмотря на то, что решение было записано и, как ни странно, оказалось верным.

Сдаваться – не в моём характере. Пошла к директору. Половина класса подтвердила, что двойки были совершенно незаслуженными. В итоге оценки отменили.

Химичка больше явно ко мне не цеплялась. Но годовую оценку это уже не спасло. Вышла четверка. А мои родители – люди принципиальные. У них есть простое правило: учишься на пятёрки – живёшь спокойно. Учишься хуже – начинаются ограничения. Поэтому в начале лета родители приняли решение. Они с младшей сестрой едут на море. А я еду к бабушке на дачу.

Нет, бабушку я люблю. Она замечательная. Но, согласитесь, есть небольшая разница между теплым морем и грядками с укропом.

Причём моей младшей сестре почему-то не нужно было учиться на одни пятерки, чтобы поехать на море. Она, видите ли, еще маленькая. Очень удобно и очень обидно.

Посёлок, где находилась бабушкина дача, был тихий, зеленый и немного сонный. Здесь жили мамочки с детьми, пенсионеры, кошки и бесконечные теплицы.

Большую часть времени я валялась на траве под яблоней и читала свою любимую фантастику. Там были драконы, маги, другие миры и герои, которым в жизни явно везло больше,

чем мне.

Иногда, правда, приходилось отвлекаться и помогать бабушке.

– Лизочка, принеси из сарая совочек.

– Лизочка, сбегай к соседке за чесночком.

– Лизочка, помоги прополоть цветы.

Мне было всё равно, что делать. Потому что мыслями я была далеко. Там, где горячий песок, соленый ветер и бесконечная синяя вода. На берегу моря.

В тот день бабушка снова позвала меня из дома:

– Лиза! Сходи в сарай за лейкой!

Я вздохнула, отложила книгу и поплелась через сад. Солнце грело плечи, в траве стрекотали кузнечики, пахло землей, листьями и нагретыми досками забора. Я шла, полностью погружённая в свои мечты о море. Настолько, что вообще не смотрела по сторонам.

Подошла к сараю, толкнула дверь и...

...увидела море.

Настоящее. Бескрайнее. Синее.

В лицо ударил горячий солоноватый ветер. Такой реальный, что я даже почувствовала на губах вкус соли. Шумели волны, на воде сверкало солнце, а воздух был густой, тягучий, морской. Мне даже показалось, что в лицо прилетели брызги воды.

Я застыла.

Потом с ужасом захлопнула дверь. Сердце колотилось,

как бешеное. Я медленно обернулась.

Вокруг был бабушкин сад. Зеленые яблони. Газон. Забор. Теплый летний воздух. Пахло травой, землей и нагретыми досками.

Я осторожно снова открыла дверь. Внутри было прохладно, темно и пахло старыми досками. У входа стояла лейка. Обычная. Металлическая.

Я постояла пару секунд. Потом кивнула сама себе.

– Ну конечно, – сказала я. – Всё логично.

Очевидно, мое очень сильное желание оказаться на море просто сыграло со мной шутку. Не знаю, что это было. Воображение, галлюцинация, или просто переизбыток фэнтези. Все объяснимо.

Просто уж слишком натурально получилось.

Я взяла лейку и пошла обратно к дому. Но где-то глубоко внутри меня появилось странное ощущение.

Как будто... море только что было совсем рядом.

Глава вторая

Ночная дверь

Весь оставшийся день я сама перед собой старательно делала вид, что ничего странного не произошло.

Бабушка поливала грядки, я помогала ей носить воду из бочки, потом мы ужинали на веранде. Всё было совершенно обычным: жареная картошка, салат из огурцов и разговоры о соседях, которые, по мнению бабушки, совершенно нерационально размещают теплицы на таких маленьких участках.

Я кивала, поддакивала и периодически смотрела в сторону сарая. Он выглядел обычным.

Деревянный. Немного перекошенный. С ржавой петлёй на двери. Никаких намёков на порталы в другие миры или хотя бы на маленькое море внутри.

– Лиза, ты чего от сарая глаз не отводишь? – спросила бабушка.

– Проверяю... – пробормотала я. – Не убежал ли.

– Кто?

– Сарай.

Бабушка внимательно посмотрела на меня.

– Меньше читай фантастику перед ужином.

Я решила, что, скорее всего, совет вполне разумный.

Вечером мы немного посмотрели телевизор, потом бабушка ушла спать. Я ещё почитала в кровати, естественно, фэнтези, и тоже решила, что пора выключать свет.

Ночью я проснулась. Не потому, что мне приснился кошмар. И не потому, что комары устроили надо мной концерт. Просто очень захотелось в туалет. А у нас на даче туалет, как и положено настоящей даче, находился на улице. Я долго лежала в темноте и пыталась уговорить организм подождать до утра. Организм оказался человеком принципиальным. Пришлось вставать. Нашупав тапки, накинув кофту, тихо вышла на крыльцо.

Ночь была тёплая. Тихая. Где-то вдалеке стрекотали сверчки. В небе висела огромная луна, освещая дорожку между грядками. Я зевнула и поплелась к деревянному домику в конце участка.

Дошла до туалета, потянула на себя дверь и... замерла.

Внутри было темно, но как-то не так. Там была ночь. Совсем другая.

Я стояла на пороге, держась за ручку двери, и пыталась понять, что именно вижу. Вместо знакомых деревянных стен и маленького окошка передо мной была темная гладь воды.

Море. Ночное. Луна висела над ним огромным серебряным кругом, и дорожка света тянулась по волнам прямо к берегу. Волны тихо шуршали, накатывая на песок. Я даже услышала тот самый звук, с которым волна уходит с песка.

Ветер был теплым и соленым. Он коснулся моего лица, растрепал волосы и принес запах водорослей. Я осторожно подалась вперёд. Под ногами был деревянный порог туалета. А за ним – песок. Я резко отдёрнулась назад, стукнувшись ухом о косяк. Сердце снова колотилось так, будто я только что пробежала километр.

– Так... – прошептала я в темноту. – Это уже... интересное.

Осторожно закрыла дверь. Постояла. Потом снова открыла.

Внутри был обычный дачный туалет. Деревянные стены. Маленькое окошко. И типичный запах.

Я отвернулась и вдохнула.

– Отлично, – сказала я тихо. – Просто отлично.

Теперь вариантов было два. Либо я сошла с ума. Либо на бабушкиной даче открываются порталы к морю. И, если честно, второй вариант мне нравился гораздо больше.

Я еще раз посмотрела на дверь. Очень хотелось закрыть и открыть ее снова. Где-то внутри появилось странное чувство. Будто, если я это сделаю... море снова окажется там. И тогда придется признать, что это уже не случайность.

Я медленно закрыла дверь туалета.

– Ладно, – сказала я себе. – Завтра разберёмся.

Когда я возвращалась к дому, у меня возникло очень странное ощущение. Как будто за моей спиной, всего в нескольких шагах, тихо шумят ночные волны.

И если я обернусь...
...то снова увижу море.

Глава третья

Соленый сквозняк

Утром я проснулась с очень странным ощущением.

С одной стороны, ночь вроде бы была. И луна была. И туалет, к сожалению, тоже. А вот море за его дверью... тут мозг с утра явно пошёл на попятную и решил включить режим «давай сделаем вид, что ничего такого не происходило».

Честно говоря, я была не против. Я лежала, глядя в потолок, и пыталась понять, может ли человек сойти с ума за пару дней на даче. Сначала сарай. Потом туалет. Если так пойдёт дальше, к пятнице я, наверное, открою холодильник и увижу там русалку.

С кухни пахло сырниками. Это был сильный аргумент в пользу реальности.

Поэтому я встала, умылась, собрала волосы в хвост и вышла на веранду. Бабушка как раз поставила на стол тарелку с горячими сырниками, а рядом – розетки со сметаной и вареньем.

– Вид у тебя, Лиза, – сказала она, – будто ты всю ночь вагоны разгружала.

– Почти, – пробормотала я, усаживаясь за стол.

– Что?

– Ничего. Говорю, спалось так себе.

Бабушка фыркнула и поставила передо мной чай.

– Я же говорила: меньше фантастики на ночь.

Мне очень хотелось ответить, что фантастика у меня теперь, кажется, сама приходит без приглашения. Но я решила, что бабушкино сердце для таких новостей пока не готово. Поэтому молча взяла сырник.

Он был горячий, сладкий, с румяной корочкой. Очень земной и настоящий. Я даже немного приободрилась. Невозможно же окончательно сойти с ума, когда ешь сырники со сметаной на дачной веранде под пение птиц. Ну... наверное.

После завтрака бабушка отправилась воевать с клубникой, а я вспомнила, что оставила в комнате книгу. Ту самую, которую читала перед сном. Мне захотелось забраться обратно под яблоню и воплотить в жизнь мой главный выбор на сегодня – читать про драконов и периодически клевать носом. Я вышла с веранды и пошла к дому.

Утро было тихое и солнечное. Пахло нагретой травой, листьями и чем-то свежим, цветущим. Где-то за забором лаяла собака. Бабушка уже громко разговаривала с соседкой через кусты смородины. То, что между ними был забор, два участка и вообще приличная дистанция, никого из них не смущало.

А я вдруг подумала о родителях. Вот они сейчас, наверное, уже на пляже. Мама устроилась под зонтиком и обиль-

но мажется кремом от солнца. Папа делает вид, что просто зашел попробовать воду, а сам ныряет и быстро удаляется от берега. А моя младшая сестра носится по берегу, визжит, строит кривую башню из песка и, скорее всего, требует срочно купить ей мороженое, потому что без него отдых таковым не является.

Я так ясно это представила, что у меня аж внутри всё сжалось. Ну конечно. Они там. У моря.

А я здесь. На даче. Кормлю комаров. Очень вдохновляюще.

Я поднялась на крыльцо, открыла входную дверь, вошла в дом и направилась к своей комнате. Обстановка вокруг была обычной. Тихой. Сонной. Из кухни доносился шум воды и позвякивание посуды. Где-то в углу лестничного окна лениво жужжала муха. Солнечные полосы пересекали деревянные ступеньки. Я поднялась на второй этаж. Взялась за ручку своей двери. И почему-то замерла.

Не знаю, что именно меня остановило. Наверное, то самое чувство, когда всё вроде бы нормально, но ты уже точно знаешь: сейчас нормальность закончится.

– Не накручивай себя, – сказала я шепотом. – Это комната. Просто комната. С кроватью, книгой и кучей разбросанных вещей, которые вечно лень разложить по местам.

И открыла дверь.

Сначала я действительно увидела свою комнату. Кровать у стены. Светлое покрывало. Стул с брошенной на спинку

кофтой. Подоконник. Книга, лежащая на полу возле кровати, как я ее вчера и бросила.

А потом по комнате будто прошла рябь. Легкая. Почти незаметная. Как если бы весь воздух вдруг стал водой. Я моргнула.

Солнечный свет на полу дрогнул и превратился в дрожащие блики, такие, какие бывают на мелководе у берега. Занавеска у окна шевельнулась – но не так, как от обычного сквозняка. Нет. В комнату вдруг вошёл ветер. Теплый. Влажный. Соленый.

Я почувствовала его на лице. И застыла. Пол у порога оставался деревянным. Привычным. Дачным. Скрипучим. А вот дальше...

Дальше комната ещё оставалась моей, но вторая ее половина уже начинала растворяться. Возле кровати, прямо поверх ковра, проступал песок. Настоящий. Светлый. С мелкими вкраплениями ракушек. Воздух дрожал, и за спинкой стула уже виднелась не стена, а яркое, синее, невозможное – мое любимое – море.

Я смотрела на это и не могла даже нормально испугаться. Потому что, когда твоя кровать стоит наполовину в комнате, а наполовину, кажется, уже на берегу, мозг начинает тормозить.

– Нет, – сказала я очень тихо. – Нет-нет-нет. Мне это вообще не нравится.

Море шумело. Тихо. Уверенно. Будто имело полное право

находиться в моей комнате.

Занавеску на окне трепал морской ветер. А на столе, рядом с моими заколками и тетрадями, поблескивали мелкие соленые капли.

Я медленно протянула руку и коснулась дверного косяка. Дерево было сухим. Потом осторожно просунулась чуть дальше, в комнату.

В лицо тут же дохнуло теплым ветром, и на коже осела влажная прохлада. На подушечках пальцев осталась вода. Настоящая. Соленая. Я машинально лизнула палец и тут же скривилась.

– Ну отлично, – сказала я. – Просто замечательно. Теперь у меня еще и вкусовые галлюцинации.

Голова работала быстро, но как-то очень нервно. Так. Значит, это не сон. Не показалось. И не «переизбыток фэнтези».

У меня реально открывается море за дверями.

Если честно, осознание оказалось не вдохновляющим. В книгах в этот момент героиня обычно радуется, что она избранная, особенная и впереди ее ждут великие свершения.

Я же чувствовала только одно желание: закрыть дверь, спрятаться под одеяло и не выходить лет пять.

Но книга лежала возле кровати. И это почему-то показалось мне очень важным. Глупо, конечно. С другой стороны, всё понятно: человек цепляется за знакомые вещи, когда реальность съезжает набок, а его комната внезапно пытается стать пляжем.

Я оглянулась по сторонам. В коридоре было спокойно. Дом стоял как стоял. Никакие волны по нему не ходили. Бабушка, кажется, вышла в сад. Значит, у меня было несколько минут на то, чтобы понять, что происходит.

Я сняла с запястья резинку для волос и бросила в комнату. Она упала на покрывало, подпрыгнула... и скатилась чуть в сторону, туда, где уже начинался песок. Там она и осталась лежать – наполовину на моей кровати, наполовину на чем-то, что вообще не должно было быть в моей комнате.

У меня по спине побежали мурашки. Я осторожно шагнула вперед. Один шаг. Порог. Деревянный пол. Второй шаг делать я не стала.

Потому что теперь море было слишком близко. Я слышала, как волны шуршат по песку. Видела, как солнечный свет скользит по воде. Чувствовала запах соли и нагретого камня. И всё это одновременно находилось в моей комнате – рядом с книгой, кофтой, стаканом с карандашами и старой заколкой-крабом, у которой давно не хватало одного зубчика.

Это было просто невозможно. От осознания этой неправильности стало просто страшно.

Я наклонилась, подняла с пола что-то светлое и замерла. Ракушка. Настоящая. Мелкая, теплая, перламутровая. Она лежала на моей ладони. Я сжала пальцы и медленно выдохнула.

– Значит, так, – сказала я самой себе. – Либо я стану главным разочарованием отечественной психиатрии, либо у ме-

ня в комнате море. И, честно говоря, второй вариант уже выглядит убедительнее.

В этот момент листы книги, лежащей возле кровати, шевельнулись. Совсем чуть-чуть. Будто страницы сами собой перелистнулись от ветра.

Я резко подняла голову. По стене скользнули солнечные блики, а потом вся дальняя часть комнаты снова дрогнула, словно поверхность воды.

И тогда я увидела, что там, дальше, за этой зыбкой границей, кто-то есть. Сначала мне показалось, что это просто темное пятно. Камень. Тень от скалы. Что угодно, лишь бы не человек.

Но пятно медленно сдвинулось. У меня внутри всё похолодело.

На фоне ослепительно яркой воды, там, за моей кроватью, на линии прибоя лежала чья-то тень. Длинная. Неподвижная.

Я не закричала. Хотя, возможно, стоило.

Просто попятилась назад, не сводя глаз с этой фигуры, и ударилась плечом о стену коридора. Силуэт не двигался.

Ветер снова донес до меня запах соли, солнца, но появилось и что-то еще – чужое. Пока не опасное. Но такое, от чего стало ясно: по ту сторону тоже поняли, что дверь открыта.

Я захлопнула её с такой силой, что в доме дрогнули стекла. И только потом поняла, что забыла, как дышать.

Несколько секунд я стояла, прижавшись спиной к стене

и глядя на ручку двери так, будто она могла сейчас сама повернуться. В коридоре было тихо. Только из сада доносился голос бабушки, ругавшей серых дроздов за несанкционированные действия в клубнике.

Самый обычный летний день. Самый обычный дом. Самая обычная дверь. За которой только что был другой мир.

Я медленно опустила взгляд. У самых моих ног на деревянном полу лежало несколько песчинок. И одна маленькая ракушка.

Глава четвертая

Четвертая дверь

Я стояла в коридоре второго этажа, смотрела на маленькую ракушку у своих ног и пыталась дышать не так, будто только что пробежала марафон, убегая от самого моря.

Ракушка была настоящая. Песок тоже. Следовательно, у меня было ровно два варианта.

Первый: я окончательно сошла с ума, причем очень основательно и с реквизитом.

Второй: я и вправду открываю двери в другой мир.

И, что особенно неприятно, второй вариант с каждой минутой выглядел убедительнее.

Я присела на корточки, подняла ракушку и сжала её в кулаке. Она была тёплая. Совсем чуть-чуть шершавая. Насто-

ящая до такой степени, что мне захотелось заплакать, засмеяться и спрятаться под кровать одновременно.

Но под кроватью, как показал сегодняшний опыт, тоже могло оказаться море. Поэтому я решила пока ограничиться обычной паникой.

– Лиза! – донесся снизу голос бабушки. – Ты там уснула, что ли?

– Уже иду! – пискнула я таким тоном, будто меня только что пытались съесть, но я вежливо отказалась.

Я быстро сунула ракушку в карман шорт, ещё раз посмотрела на дверь своей комнаты и очень аккуратно отошла от неё на два шага. Потом ещё на один. И ещё.

Потому что в текущих обстоятельствах расстояние между мной и этой дверью казалось вопросом жизненной безопасности.

Наверное, в моей ситуации самым разумным решением было бы больше никогда не открывать двери.

Проблема состояла только в том, что я сейчас жила в доме. А дом, как назло, был полон дверей. Входная, кухонная, моя, бабушкина, дверь в кладовку, дверь на веранду, дверь в сарай, дверь в тот самый туалет, который после прошлой ночи навсегда потерял право называться просто туалетом.

Вниз я спускалась медленно, держась за перила так, как утопающие, наверное, держатся за спасательный круг. На кухне бабушка мыла чашки и одновременно рассказывала кому-то за окном, что у серых дроздов в этом году совсем

пропало всякое уважение к чужой собственности.

Я села на табурет и постаралась принять вид человека, у которого всё в порядке. Получилось, думаю, неубедительно.

– Что с тобой? – сразу спросила бабушка, даже не оборачиваясь.

– Ничего.

– А лицо у тебя почему такое, будто ты привидение увидела?

Я очень серьёзно посмотрела на ее спину.

– Потому что это был бы сейчас лучший из возможных вариантов.

Бабушка обернулась.

– Что?

– Ничего. Говорю, голова чуть-чуть болит.

И это, к счастью, было почти правдой. Голова у меня действительно начинала болеть. Не сильно, но весьма выразительно. Как будто внутри кто-то осторожно постукивал ложечкой по черепу, намекая, что мои нервы скоро официально объявят забастовку.

Бабушка сощурилась, подошла, потрогала мне лоб и вынесла диагноз:

– Температуры нет. Заканчивай читать свои книжки с утра до вечера.

В последнее время эта версия подозрительно часто всплывала в разговорах.

– Хорошо, – вяло сказала я.

Потом ушла под яблоню. Не с той книгой, которую так и не забрала: взять её из комнаты теперь, на мой взгляд, было почти подвигом. Пришлось достать другую, старую, уже прочитанную. Я открыла её наугад, уставилась на страницу и поняла, что уже минут пять читаю одну и ту же строчку. Слова не укладывались.

В голове было только море. Солёный ветер. Тень в полосе прибоя. Я резко захлопнула книгу. Нет. Даже думать об этом не хочу. То есть хочу, конечно. Но не в том смысле.

Я подняла глаза на дом. Обычный. Дачный. Деревянный. Белые занавески на окнах. Электрический провод от столба. Воробьи на крыше. Этажерка с рассадой цветов.

Никаких признаков того, что на втором этаже у меня за дверью, возможно, стоит кто-то из другого мира. Именно поэтому, наверное, по спине у меня снова побежали мурашки.

Потому что в любом кино всё страшное выглядит именно так. Снаружи всё выглядит совершенно обыкновенно.

Я сидела так, наверное, минут двадцать. Или час. Когда нервничаешь, время вообще ведет себя странно. То тащится как сонная улитка, то исчезает куда-то без предупреждения.

А потом я услышала стук из дома. Три коротких удара. Я замерла. Стучали где-то сверху. Кажется, на втором этаже.

Я медленно опустила книгу на траву.

– Нет, – сказала я вслух. – Нет. Вообще нет.

– Что нет? – крикнула бабушка от клубничных грядок.

– Ничего! – крикнула я в ответ. – Это я... рассуждаю!

– Рассуждай тише! Ты мне птиц распугиваешь!

Птицы были уж точно не моей проблемой. Пока я сидела и тормозила, стук повторился. Те же три удара. Размеренные. Терпеливые. Без истерики. И от этого в миллион раз хуже.

Я встала. Ноги почему-то стали ватными. Очень хотелось сделать вид, что я ничего не слышала. Очень хотелось немедленно уехать отсюда, в какое-нибудь место, где двери открываются строго в комнаты, а не на морские побережья.

Но, увы, если в твоём доме кто-то стучит из другого мира, явно не стоит это игнорировать. Я поднялась на крыльцо, вошла в дом и прислушалась. Тишина. Только где-то на кухне капала вода в раковину.

Я медленно пошла по лестнице вверх. Каждая ступенька скрипела так громко, будто специально предупреждала кого-то наверху о моем приближении. На втором этаже воздух показался странно плотным. Не холодным. Не жарким. Просто другим. Как перед грозой – только вместо запаха влажной земли в нём уже чувствовалась соль.

Моя дверь была закрыта. И выглядела как обычно. Деревянная. С потёртой ручкой и царапиной у самого замка, которую я когда-то сама же и оставила, врезавшись в неё стулом.

Я стояла перед ней и смотрела так, будто это не дверь, а личный проход в мои будущие неприятности.

Стук раздался снова. С той стороны. И опять три раза. И после короткой паузы спокойный мужской голос произнес:

– Елизавета Полякова, если вы и дальше будете делать вид, что меня не существует, ситуация от этого не улучшится.

Я так дернулась назад, что чуть не слетела с лестницы. Потому что, во-первых, голос был совершенно реальным. А во-вторых, он был недовольным. Не угрожающим. Не злым. Просто устало недовольным – как у человека, которому приходится объяснять очевидные вещи очень упрямому собеседнику. Что, в общем, было даже обидно.

– Кто вы? – спросила я шепотом.

– Это уже конструктивнее, – заметил голос. – Откройте дверь.

– С чего бы вдруг?

– С того, что вы уже трижды нарушили пространственную ткань ближайшего сектора миров. Четвертое открытие я предпочел бы провести под контролем.

Я закрыла глаза. Открыла. Дверь никуда не делась.

– Прекрасно, – пробормотала я. – Просто прекрасно. Теперь у меня галлюцинации не только вкусовые, но и слуховые.

– Я вас слышу.

– Это было не для вас.

– Уже понял.

Мы помолчали. Я – потому что пыталась решить, разумнее ли убежать или упасть в обморок. Он – потому что, кажется, давал мне шанс почувствовать всю глубину происхо-

дящего.

Наконец я осторожно взялась за ручку.

– Если там опять море, – предупредила я, – я не удивлюсь. Но буду очень недовольна.

– Это разумная позиция, – ответил голос.

Я открыла дверь. Море было. Конечно. Куда же без него. Но на этот раз всё выглядело иначе.

Моя комната по-прежнему просвечивала сквозь дрожащий воздух: кровать, стул, стол, книга на полу. Только теперь они не расползались в стороны и не тонули в бликах. Пространство словно замерло в хрупком равновесии. На пороге еще был мой деревянный пол, а за ним уже тянулась полоска светлого песка. Дальше – вода. Синяя. Яркая. И ослепительно живая. А у самой кромки прибоя стоял мужчина.

Высокий. Худощавый. В темном длинном плаще, который не казался странным даже под этим жарким солнцем. Волосы темные, чуть тронутые серебром у висков. Лицо спокойное, умное, с резкими чертами. Глаза – светлые, внимательные.

Он стоял так, будто имел право здесь находиться. Что особенно раздражало.

– Ну конечно, – сказала я. – Человек с пляжа. Логично.

Он слегка склонил голову.

– Элар Марейн. Ректор Академии Окиандора.

– Ага. А я Елизавета Полякова, жертва очень неудачной недели.

– Двух дней, – невозмутимо поправил он.

Я уставилась на него.

– Вы еще и счет ведете?

– Это моя работа.

Он говорил спокойно. Без пафоса. И от этого его слова звучали еще убедительнее. И еще неприятнее. Я скрестила руки на груди.

– Хорошо. Допустим. Вы – ректор Академии Окиандора. Который почему-то стоит у меня за дверью. Теперь объясните, почему мое лето внезапно превратилось в фэнтези-роман.

На мгновение в его глазах мелькнуло что-то вроде очень сдержанного одобрения.

– Потому что вы, Елизавета Полякова, как слон в посудной лавке возмутили пространство огромного количества миров.

– Спасибо за комплимент. Только сравнения со слоном мне с утра и не хватало.

– Это не сравнение.

– Это еще хуже.

Он чуть повел рукой, и воздух между нами дрогнул. Я увидела тонкие светящиеся линии, расходящиеся от дверного проема куда-то в стороны, как трещины по стеклу.

– Пространство запоминает любое грубое вмешательство, – сказал он. – А вы открываете порталы интуитивно, спонтанно и без малейшего представления о последствиях.

– Простите, что не записалась заранее на курсы.

– Это я и собираюсь исправить.

Я нервно рассмеялась.

– Подождите. Какие порталы? Какие последствия? Я вообще-то просто хотела на море. Максимум – искупаться. Не вскрыть мироздание консервным ножом.

– Однако вскрыли.

Очень хотелось ответить что-нибудь резкое. Но, к сожалению, гость был прав.

Он смотрел прямо на меня, и в его взгляде не было ни капли сомнения.

– Вы интуит-портальщик, – произнес он.

Слова прозвучали как диагноз.

– Потрясающе, – сказала я. – А по-человечески можно?

– По-человечески – вы способны чувствовать границы между мирами и открывать проходы туда, куда обычный маг пробивается месяцами или не пробивается вовсе. Таких, как вы, не рождалось несколько веков.

Я промолчала.

Потому что, честно говоря, не знала, что на такое отвечают. «Спасибо, очень приятно»? «Извините, больше не буду»? «А можно мне вместо этого просто нормальные каникулы и, желательно, у моря»?

Он явно решил, что моя тишина – это согласие слушать дальше.

– Ваш дар проснулся резко. Слишком резко. Такое бывает

при сильном эмоциональном резонансе. Вы хотели моря – и пространство откликнулось. Оно открыло проход в ближайший мир, с которым у вас возникла связь.

– Окиандор?

– Да.

Я перевела взгляд на воду и спросила:

– И что теперь? Вы скажете, что я избранная, и мне срочно надо спасать мир?

– Нет, – сказал он. – Для начала вам срочно надо не дать миру вас убить.

Это прозвучало так буднично, что по спине у меня снова пошел холодок.

– Что?

– Ваши открытия уже заметили.

– Кто?

Он ответил не сразу.

И вот эта короткая пауза мне совсем не понравилась.

– Теневой Синдикат, – сказал он наконец.

Даже название прозвучало так, будто его лучше не произносить у открытых дверей.

– Это что, секта злых магов? – спросила я.

– Хотелось бы, – сухо ответил он. – Тогда все было бы проще. Это межмировая структура, которая ищет, покупает, ломает или крадет тех, кто может быть им полезен. Особенно порталыщиков.

– Звучит ужасно.

– Так и есть.

– И чем именно я им так нужна?

Он смотрел на меня спокойно. Слишком спокойно для человека, который сейчас сообщал мне худшие новости в жизни.

– Для них вы не человек, Елизавета Полякова. Вы ключ. Живая отмычка к границам миров. С помощью интуита-портальщика можно пройти туда, куда никто не должен попадать. Вскрыть хранилища. Обойти защиту. Достать людей. Достать вещи. Достать знания.

Я сглотнула.

– А если я откажусь?

– Для Синдиката это несущественная деталь.

Ветер шевельнул его плащ. По песку пробежала мелкая тень от волны. Мне внезапно стало зябко, хотя воздух всё ещё был теплым.

– То есть вы хотите сказать, что за мной будут охотиться какие-то межмировые преступники, потому что я... неудачно помечтала о море?

– Я хочу сказать, что вы опасно долго оставались без защиты.

– И что мне теперь делать?

Он посмотрел прямо мне в глаза.

– Идти со мной в Академию.

Я моргнула.

– Куда?

– В Академию Окиандора. Там вас научат управлять даром. Там вас спрячут. Там до вас не доберутся.

Я уставилась на него.

– Нет.

Он даже бровью не повел.

– Нет?

– Да, нет. В смысле – нет, я никуда не пойду. У меня вообще-то школа. Мне еще год учиться. Мне нужен аттестат. Нормальный. Настоящий. И родители меня, знаете ли, даже на море не взяли из-за одной четверки. А вы сейчас стоите у меня за дверью и предлагаете уйти в какой-то магический... университет?

– Академию, – уточнил он.

– Это ничего не проясняет.

Он чуть прищурился. Не раздраженно. Скорее так, будто мысленно передвинул меня из категории «стихийное бедствие» в категорию «стихийное бедствие, неспособное молчать и думать».

– Я не предлагаю, Елизавета, – сказал он. – Я приказываю. Я так и замерла.

Нет, это уже было слишком.

– Простите?! – возмутилась я. – Вы вообще кто такой, чтобы мне приказывать?

– Тот, кто пока еще может не дать Теневому Синдикату превратить вас в инструмент.

– Звучит очень утешительно, спасибо. Но у меня, между

прочим, есть жизнь.

– Уже нет, – спокойно сказал он. – Та, к которой вы при-
выкли, закончилась в тот момент, когда вы впервые открыли
дверь в мой мир.

Это было жестоко. И, что хуже всего, прозвучало как
правда. Я стиснула зубы.

– А родители?

– Я решу этот вопрос.

– И как это понимать?

– Так, как вы поняли.

Мне очень не понравился его тон. И еще больше – смысл.

– То есть вы собираетесь просто прийти к моим родите-
лям и сказать: “Здравствуйте, ваша дочь оказалась межмиро-
вой аномалией, забираю ее в магическую академию, не ску-
чайте”?

– Нет. Я подам им другую версию.

– Какую еще версию?

– Достаточно убедительную.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимает-
ся новая волна злости.

– А школа?

– За два месяца по вашему времени вы завершите про-
грамму экстерном.

Я чуть не рассмеялась.

– Конечно. И химия сама выучится мне в голову?

Он посмотрел на меня так, что смех застрял у меня в гор-

ле.

– Именно это и произойдет.

Я уставилась на него.

– Нет.

– Да.

– Я не телефон, чтобы мне что-то туда... закачивали!

– К счастью, ваш мозг устроен немного сложнее телефона.

– Не уверена, что это был комплимент.

– Это было наблюдение.

Я на секунду прикрыла глаза.

Море шумело. Дом за моей спиной молчал. Мир, кажется, решил окончательно надо мной поиздеваться.

– Мне не нравится вообще всё, что вы сейчас говорите, – честно призналась я.

– Я и не рассчитывал понравиться вам с первой встречи.

– Какая жалость.

– Согласен.

Он говорил так спокойно, что хотелось запустить в него чем-нибудь тяжелым. Желательно энциклопедией. По химии.

– У вас есть время до заката, – сказал он. – Потом я открою стабильный переход. И вы пойдете со мной.

– А если нет?

Впервые за весь разговор его взгляд стал по-настоящему жестким.

– Тогда к вам, возможно, придут не мои люди.

Я почувствовала, как сердце медленно ухнуло вниз.

– Они уже рядом? – спросила я.

Он не ответил сразу. Только поднял руку и коснулся воздуха у края дверного проема.

На мгновение светлое пространство дрогнуло – и я увидела на самой границе моря и комнаты тонкую черную полосу. словно кто-то когда-то давно чиркнул углем по стеклу, а теперь эта царапина вдруг ожила.

– Они уже взяли след, – сказал ректор.

Меня как будто окатили ледяной водой. Я смотрела на эту черную метку и понимала: это всё. Конец. Никакая это не фантазия. Не приключение из книжки. Не красивая загадка про море. Это охота. А я, кажется, дичь.

Элар Марейн опустил руку, и темная полоска исчезла.

– Не открывайте больше двери без необходимости, – сказал он. – Не думайте о проходах. Не тянитесь к морю. Чем спокойнее вы проживете до заката, тем проще мне будет вас увести.

– Вы говорите так, будто это простая просьба, – выдохнула я. – Не думать о море. После всего этого.

– Да, – сказал он. – Я уже заметил, что с простыми вещами у вас плохо.

И вот тут, к моему огромному ужасу, мне почти захотелось фыркнуть. Потому что он был невыносим. И потому что, кажется, понимал это.

Он сделал шаг назад. Волна набежала ему на сапоги и тут

же ушла, оставив на песке темный влажный след.

– До заката, Елизавета Полякова.

– А если я решу, что вы мне приснились?

– Тогда к вечеру вас очень неприятно разубедят.

После этого пространство дрогнуло. Сначала исчез он. Потом берег. Потом вода. Последним ушел запах соли.

Моя комната снова стала просто комнатой. Кровать. Стул. Книга на полу. Подоконник. Тишина.

Я стояла на пороге и не двигалась. Потом оглянулась.

У самой двери, на деревянном полу, темнел влажный отпечаток сапога.

Я вздохнула, опустила руку в карман и нащупала маленькую, теплую ракушку.

Где-то внизу бабушка звала меня пить компот.

За окном звенело лето.

А до заката оставалось всего несколько часов.

Глава пятая

До заката

До заката я успела трижды решить, что никуда не пойду. И трижды передумать.

Потому что, с одной стороны, перспектива добровольно шагнуть за дверь в чужой мир и оставить здесь вообще всё пугала. А с другой – перспектива остаться на даче и дождать-

ся, пока за мной явится Теневой Синдикат, вообще вызывала панику.

Я сидела под яблоней, держала в кулаке маленькую ракушку и пыталась мыслить стратегически. Получалось так себе.

Пока план действий выглядел примерно так:

а) паника;

б) пообедать;

в) снова паника.

Бабушка тем временем жила своей нормальной дачной жизнью: ругала дроздов, рыхлила грядки и временами поглядывала на меня так, будто подозревала, что внучка либо влюбилась, либо слегка повредила умом. А может, и то и другое. С учётом последних событий второй вариант был все-таки ближе к истине.

К вечеру воздух стал золотистым и тягучим. Солнце медленно сползло к деревьям. По саду тянуло теплом, листвою и какой-то особенно густой тишиной, которая бывает только перед самым закатом.

Мы с бабушкой сидели на кухне. И я услышала, что дверь моей комнаты снова открылась.

Она просто щёлкнула замком, приотворилась – и из коридора второго этажа по лестнице на первый поползла узкая полоска света. Не электрического. Не солнечного. Другого.

Мягкого, золотисто-синего.

– Лиза, – спокойно сказала бабушка, даже не поднимая головы от миски с вишней. – По-моему, к тебе пришли.

Я чуть не поперхнулась воздухом.

– Ты... ты это видишь?

– Дверь вижу, свет вижу. И тебя вижу, – сказала бабушка. – Ты с утра носишься с таким лицом, будто у нас в доме завелась русалка с тяжелым характером. Так что да, я уже ничему не удивлюсь.

Я смотрела на нее во все глаза. Бабушка отложила миску, вытерла руки о фартук и встала.

– Пойдем, – сказала она. – Нехорошо заставлять гостей ждать. Даже если пришли не пойми откуда.

На втором этаже пахло морем.

Не сильно. Едва заметно. Но теперь я уже не могла перепутать этот запах ни с чем. Дверь в мою комнату была открыта. За ней опять дрожал воздух, а изнутри доносился тихий, ровный шум прибоя.

В проёме стоял Элар Марейн.

На этот раз не по ту сторону, на песке, а прямо здесь. В моей комнате. И выглядел так, будто каждый день ходит к чужим подросткам через порталы и не видит в этом ничего странного.

– Добрый вечер, – сказал он.

– Очень спорно, – честно ответила я.

Бабушка окинула его взглядом с головы до ног.

– Значит, это вы морочите голову моей внучке.

Ректор чуть склонил голову.

– Полагаю, да.

– Вид у вас такой, будто вы привыкли, чтобы вас слушались.

– Это часть моей работы.

– Очень неприятная, должно быть, работа, – сказала бабушка.

Я в этот момент вдруг поняла, что горжусь своей бабушкой. Я стояла между ней и межмировым ректором и радовалась, что за меня есть кому постоять.

Элар перевел взгляд на меня.

– Вы приняли решение?

– Ещё нет, – сказала я. – И вообще у меня вопрос.

– Один?

– Пока да. Но могут появиться и другие.

Он молча ждал.

Я скрестила руки на груди.

– Хорошо. Допустим, вы меня сейчас спрячете в своей Академии. А дальше что? Мне всю жизнь там сидеть? Без права выхода? Это что получается – пожизненное заключение, да ещё и в чужом мире?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.